

может воспитывать ученика в строгости и принуждать его к спасительной дисциплине. Сформулировав эти принципы, Климент сочиняет великолепный трактат о практической морали, рекомендуемой александрийским христианам. Эта часть его произведения полна живописных подробностей и поучительных картин нравов того времени. Он осуждает «всеядных» александрийцев, их пристрастие к роскоши в обстановке, в одежде и даже в благовониях, к которым христианки Александрии, кажется, питали особенную слабость, лишь бы они не выбирали благовонии, которые вызывают у мужчин головную боль! Если мы ищем всего этого, чтобы укротить жизнь, то следует знать, пишет Климент, что для ее украшения вполне достаточно христианства. Подлинное знание — это знание самого себя; познавая самого

еоя, познаешь Бога, нас сотворившего;

Юзная Бога, все явственнее обнаруживаешь свое подобие Ему и становишься достаточно прекрасен, чтобы обходиться без украшений. Христианин богат; более того, только он и богат, потому что обладает сокровищами души, которые невозможно похитить. Христианин никогда ни в чем не нуждается, ибо благодаря умеренности во всем ему нужно немного. Свое произведение Климент заканчивает описанием возрожденного человека, который следует за божественным Педагогом как верный ученик, свободно пользуясь всем и вовсе не впадая в рабство. Его девиз — укротить желания, противные разуму, то есть держаться всего простого, естественного, умеренного, удобного, безыскусного, соответствующего его здоровью, возрасту, личности, внешности, естеству, роду занятий.

Такое христианство равно враждебно как доктринерскому аскетизму гностиков, так и моральной распущенности, которой предаются иные его представители, и поэтому противоположно поверхностному, внешнему христианству. Противоположно потому, что христианство истинного христианина внутри его души, оно может быть внутри любой формы человеческой жизни, если только соответствует разуму. В книге «Кто из богатых спасется?» («*Quis dives salvetur?*») Климент показал, что всякий богач может спастись, если его богатство — не хозяин его души, а орудие, которым он пользуется в благих целях. Греческая мудрость? Несомненно. Но в еще большей степени мудрость христианская. Даже когда поведение христианина подобно поведению греческого мудреца, у него другие мотивы. Следовательно, это другая мудрость. Дух христианской морали — в удалении от мира ради любви к Богу. Христианство внушает своим беднякам, что они так же богаты, как самые богатые, а своим богачам — что они так же бедны, как самые бедные; сугубо христианская мораль умеренности Климента отражает глубокое убеждение в том, что внешний характер наших поступков не является последним критерием их моральности.

Глава I. Греческие отцы и философии 38

Слово обратило христианина; Слово его воспитало; теперь Слово может его научить, если только ученик способен учиться. Вслед за Педагогом нравов приходит Учитель разума, которого нас приглашают послушать в «Строматах». Это произведение является как бы защитительной речью в суде, но *pro domo**. Подобно всякой религиозной общине христианская церковь Александрии включала и ученых людей, и простых. Последних было больше, чем первых. Как гораздо позже братья по вере будут упрекать Альберта Великого, так и тогда, и с той же язвительностью, простые христиане Александрии упрекали Климента в том, что он впустую тратит время на философствование. Они требовали «одной, чистой веры» («Строматы», 1,43); причем не отягощенной не только философией, но и всякими рассуждениями, даже теологическими. Для этих первых